

**ВЗАИМОСВЯЗЬ СОВМЕСТНОГО КОПИНГА И УРОВНЯ ГРУППОВОЙ СПЛОЧЕННОСТИ
ПРИ ВЫРАБОТКЕ ГРУППОВОГО РЕШЕНИЯ***Е. П. Белинская, А. А. Икрамова***THE CORRELATION OF JOINT COPING AND THE LEVEL OF GROUP COHESION
IN THE FORMULATION OF GROUP DECISIONS***E. P. Belinskaya, A. A. Ikramova*

*Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 14-06-00640
«Культура как образующая личности: современные тенденции и механизмы».*

В статье рассматривается проблема группового копинга; отмечается, что сегодня ситуации групповых реакций на возникающие трудности изучаются преимущественно в рамках диадического взаимодействия (семейный копинг) или же в рамках больших социальных групп (коллективный копинг). Ставится задача исследования собственно группового совладания с трудностями на уровне малой группы. Под групповым копингом понимается единый для всех членов группы способ совладания с объективной стрессовой ситуацией, угрожающей целостности группы и мобилизующей её ресурсы. Приводятся данные экспериментального исследования, показывающего, что стратегии группового совладания не являются совокупностью индивидуальных копингов членов группы, а также что существует взаимосвязь стратегий группового совладания с эффективностью группового решения и уровнем сплоченности группы.

The paper addresses the problem of group coping. The authors note that today the situation of group reactions to difficulties are studied mainly in the framework of dyadic interaction (family coping) or within large social groups (collective coping). The study focused on group coping with the difficulties at the level of small groups, an attempt is made to distinguish it from group defense mechanisms. Group coping refers to the way shared by all group members to cope with the objective stressful situation that threatens the integrity of the group and mobilizes its resources. The paper presents the data of an experimental study showing that the strategies of group coping are not a set of group members' individual copings, and that there is a correlation between the strategies of group coping with the effectiveness of group decisions and the level of group cohesion.

Ключевые слова: совладание с трудными жизненными ситуациями, индивидуальные стратегии совладания, ресурсы совладания, коллективный копинг, семейный копинг, групповое совладание с трудными ситуациями, групповые решения, уровень групповой сплоченности.

Keywords: coping with difficult life situations, individual coping strategies, resources, coping, collective coping, family coping, group coping with difficult situations, group decisions, the level of group cohesion.

Одним из ведущих трендов в изучении копинг-поведения является переход от анализа «сильных» и относительно нечастых стрессовых ситуаций к более «слабым» и часто встречающимся. Сегодня все более процесс совладания с трудностями мыслится исследователями как необходимый и постоянный элемент повседневной жизни: в отличие от исследований еще двадцатилетней давности, фокус исследовательского интереса однозначно сместился от анализа преодоления воздействия объективных и сильных стрессоров к изучению саморегуляции в ситуации столкновения с субъективными трудностями, чья «событийность» есть результат чисто когнитивных оценок [4; 11; 2]. Эта «повседневность совладания» происходит в том числе в информационном пространстве, которое, в свою очередь, оказывает неоднозначное влияние на процессы социальной категоризации и, возможно, тем самым и на оценки субъективных трудностей.

Во-вторых, значительный интерес для исследователей совладания представляет проблема эффективности тех или иных его стратегий. Заметим, что в наибольшей степени это касается такой стратегии преодоления трудностей как поиск социальной поддержки (см., например: [7]). Очевидно, что в условиях

информационного мира социальная поддержка может быть оказана не только реально, но и виртуально, и неминуемо будет «попадать под влияние» неоднозначных норм виртуальной коммуникации.

Наконец, в-третьих, определенным вектором сегодня в изучении процесса совладания становится понимание его как принципиально субъектного: так, многие современные теоретические модели эффективного копинга акцентируют внимание на способности человека гибко относиться к своим целям [11], трактуют совладание как процесс активного и осознанного взаимодействия человека с ситуацией [4], понимают трудные жизненные ситуации как требующие от человека максимальной реализации ресурсов субъектной регуляции [8] и связывают процесс конструктивного совладания с возможностью и способностью человека реализовать богатый репертуар конкретных копинг-стратегий [9].

Однако, несмотря на отмеченные выше «сдвиги» в эмпирических интересах исследователей, на теоретическом уровне по-прежнему продолжает доминировать позиция Р. Лазаруса и С. Фолкман, которые в свое время выступили основоположниками изучения копинг-процессов в целом. Как известно, в качестве

основной причины выбора той или иной стратегии совладания они выбрали социально обусловленные факторы. Тем самым копинг-стратегии выступают не как характеристика личности, а как гибкий процесс, которым человек может управлять в зависимости от требований ситуации и изменять копинг в случае его неэффективности. Р. Лазарус утверждает, что во всех случаях будет происходить развивающийся, динамический процесс когнитивной оценки, переоценки, совладания и эмоциональной переработки. Таким образом, копинг рассматривается как деятельность личности по поддержанию или сохранению баланса между требованиями среды и ресурсами, удовлетворяющими этим требованиям [по: 1], причем основным механизмом сохранения этого баланса является когнитивная оценка – как самой ситуации, так и имеющихся ресурсов. Результатом подобного оценивания является выбор той или иной стратегии совладания, которые в целом могут быть классифицированы по следующим трем основным критериям: «фокуса» (фокусированные на проблеме/фокусированные на собственных эмоциональных состояниях), «модуса реагирования» (когнитивный, эмоциональный и поведенческий копинг) и степени активности субъекта (активный и пассивный копинг).

Однако, представляется достаточно очевидным, что в том случае, когда стрессовое воздействие оказывает свой эффект не на одного человека, а на группу, оказывается недостаточно информации об индивидуальном копинг-поведении. Подчеркнем, что при всей очевидности факта группового копинга и однозначно социально-психологической его феноменологии, исследования совладания тех или иных групп со стрессовыми событиями парадоксально мало представлены в современных исследованиях.

Так, одним из еще только разрабатываемых сюжетов является изучение группового совладания на уровне больших социальных групп. В частности, Т. П. Емельянова предлагает рассматривать коллективный копинг как определенный вариант социальных представлений о тех или иных объективно травматических событиях в жизни больших социальных групп [3], при этом заметим: групповое совладание выступает как исключительно когнитивный феномен. В рамках же малой социальной группы совместный копинг практически не изучен. Исключение на сегодняшний день составляют исследования семьи [5]. Остановимся на этом подробнее.

На сегодняшний день существует ряд подходов к изучению совместного копинга в рамках семьи как малой группы. В первую очередь стоит отметить многоосевую модель С. Хобфолла, который рассматривает выбор копинг-стратегии человеком в зависимости от его социального окружения. Копинг-ресурсом при этом выступают не только индивидуальные особенности человека, но и общие групповые ресурсы окружающих его людей. Вторая модель, авторами которой являются Дж. Койн и Д. Смит, акцентирует, что выбор совладающего поведения зависит от уровня согласованности семейных ролей, которые тем самым также рассматриваются как ресурс группового совладания. Иными словами, очевидно, что семейное совладание в значительной степени определяется ком-

плементарностью межличностных отношений в момент стрессового воздействия. Поэтому одной из самых известных моделей, рассматривающих внутри-семейный копинг, является модель диадического копинга. Согласно этой модели, возможны две позиции взаимоотношений партнеров: симметричное копинг-поведение (т. е. одинаковые и взаимосвязанные копинг-стратегии партнеров) и комплиментарное поведение – когда один из партнеров находится в более выгодном положении относительно другого и выполняет функцию буферизации [по: 6]. В последнем случае возможны три варианта дальнейшего взаимодействия:

1) проявление эффекта заражения, когда человек, оказывающий поддержку, сам впадает в стрессовое состояние;

2) игнорирование партнером, на которого было направлено воздействие, помогающих действий другого партнера;

3) человек, на которого направлено воздействие, отвечает проявлением позитивного или негативного диадного копинга [12].

Большое внимание в рамках диадической модели семейного копинга уделяется описанию его различных видов и возможных следствий для семьи как малой группы. Так, с точки зрения исследователей, позитивный копинг можно разделить на три вида: поддерживающий копинг (помощь в ежедневных делах, советы, эмпатическое слушание и т. д.); обычный диадный копинг (совместное решение проблем, совместный поиск информации, совместная релаксация и обмен чувствами) и делегированный групповой копинг, который заключается в том, что в тот момент, когда один из партнеров просит о помощи в трудной жизненной ситуации, возникает новая система отношений, при которой один из партнеров полностью забирает на себя заботы другого. Негативный копинг, в свою очередь, также делится на три вида: враждебный копинг (в данном случае оказание поддержки сопровождается насмешками, сарказмом, умалением достоинств партнера и т. д.); амбивалентный диадный копинг (поддержка оказывается неохотно или через силу, партнер показывает, что с этим делом можно было бы справиться и без его помощи) и поверхностный диадный копинг (неискренняя поддержка: партнер задает вопросы, но не проявляет интереса к ответам, не слушает и не проявляет сочувствия) [15]. Иными словами, семейный копинг отражает процесс функционирования семьи как единого целого, как группы и по многим оценкам выступает одним из ведущих механизмов в психологической защите семьи, направленных на ее поддержание и восстановление при воздействии негативных факторов, нарушающих целостность и стабильность семейной системы [13].

Очевидно при этом, что сам процесс группового семейного совладания может претерпевать определенную динамику, и существует ряд классификаций, основанных на принципе развития семейного копинга в стрессовых ситуациях. Так, например, выделяются три уровня, на которых происходит совладание семьи со стрессовой ситуацией. Первый уровень – индивидуальный, который включает в себя когнитивное или поведенческое усилие, направленное на принятие эф-

фективного решения и снижение требований стрессовой ситуации, предъявляемых к супругу в том случае, когда у него обнаруживается недостаток ресурсов для качественного совладания со стрессором. Второй уровень – внутрисемейный, на данном этапе копинг основывается на изменениях внутрисемейных связей, ролей, также возможна смена отношения к одному из членов семьи. Третий уровень является непосредственно семейным уровнем, при котором семья представляет собой целостное начало, группу. На данном этапе совладание направлено на изменение и качественное улучшение соотношения между требованиями стрессовой ситуации и семейными ресурсами [14].

Определенная часть эмпирических исследований семейного совладания опирается на фактически те же основные стили копинга, которые были выделены Р. Лацарусом и С. Фолкман для изучения индивидуального совладания. Так, например, выделяют тип семейного совладания, основанный на когнитивных усилиях и переоценке стрессора, – в противоположность такому типу, как отрицание возникших трудностей и реакция совместного «ухода» от решения проблемы. Это дополняется выделением семейных копингов, основанных на том, ищут ли партнеры в ситуации трудностей социальную поддержку или же предпочитают социальную изоляцию. Специфическим при этом является, по сути, лишь выделение такого особого вида совладания, как компромиссный копинг, который определяется исходя из качества коммуникации партнеров: стремятся ли они прийти к компромиссу и найти общий путь совладания, или же каждый отдает предпочтение своему индивидуальному способу совладания и старается разрешить стрессовую ситуацию без обсуждения с партнером. Анализ показал, что если семьи выбирают компромиссный копинг, то это способствует лучшей адаптации к наличествующей ситуации, а хорошая внутрисемейная коммуникация способствует увеличению эффективных вариантов разрешения трудной ситуации [16].

Значительно меньше работ посвящено исследованиям совместных копингов на материале других, не семейных, малых групп. Среди отечественных исследований практически единственным подходом является подход В. А. Штроо, предложенный исходно для изучения групповых защитных механизмов. Он определяет групповые трудности как влияние, оказывающее негативное и разрушающее воздействие на целостность группы. Соответственно, любые проявления активности группы в борьбе против разрушения групповой целостности понимаются как защитное воздействие на групповую реальность. Подобная позиция группы разделяется по двум основным критериям: адекватность/неадекватность реакции группы на угрозу целостности; локализация источника угрозы на внутренний и внешний. Соответственно, выделяется два типа стратегий реагирования группы на трудную ситуацию:

1. Организационно-деятельностная – происходят изменения в операциональной и функциональной составляющих групповой деятельности (смена ролевых позиций участников, уменьшение или увеличение числа участников и т. д.). Энергетику этой стратегии придает чувство неудовлетворенности группы тем

положением, в котором она находится в данный момент.

2. Когнитивно-аффективное переструктурирование ситуации – трансформация происходит только в перцептивных и мотивационно-смысловых аспектах совместной деятельности. Данная стратегия формирует в группе определенные феномены группового сознания (групповой миф, табуирование совместного взаимодействия и т. д.). Энергетику данной стратегии придает чувство страха, противоречие между групповой и внешней реальностью [10].

С этой точки зрения групповой копинг можно определить как единый для всех членов группы способ совладания со стрессовой ситуацией, угрожающей целостности группы и мобилизующей её ресурс. Именно на такое понимание мы и опирались при проведении эмпирического исследования. В качестве модели стрессовой групповой ситуации была выбрана ситуация необходимости быстрого принятия группового решения. Основным методом исследования стал эксперимент.

В качестве гипотез исследования выступали следующие три предположения:

1. Групповые стратегии совладания не представляют собой совокупности индивидуальных копингов членов группы.

2. Существует взаимосвязь стратегий группового копинга и эффективности группового решения.

3. Групповые стратегии совладания взаимосвязаны с уровнем групповой сплоченности.

Эксперимент проводился на студенческой выборке, всего 40 человек; все респонденты имели опыт активного участия в турнирах «Что? Где? Когда?», т. е. обладали навыками работы в командах по выработке групповых решений.

Непосредственно перед экспериментом участников просили заполнить методику диагностики стратегий преодоления стрессовых ситуаций С. Хобфолла (в адаптации Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой) на определение индивидуального стиля совладания и социометрический опросник со свободным числом выборов (использовались три критерия: деловой позитивный, деловой негативный и эмоциональный). После этого участники были в случайном порядке распределены на 8 групп по 5 человек в каждой, из которых в дальнейшем 4 группы стали контрольными и 4 – экспериментальными. Далее каждой группе было предложено принять участие в коллективной игре на распределение ресурсов «Потерпевшие кораблекрушение». Экспериментальные группы выполняли полную версию задания с 15 объектами и имели для выполнения ограниченное количество времени (10 минут) с условием, что экспериментатор может в любой момент сократить это время по собственному усмотрению. Помимо этого экспериментатор периодически подходил к командам и создавал эмоциональное напряжение словами: «У вас осталось совсем немного времени», «Вам стоит поторопиться», «Подумайте еще, вы движетесь в не совсем верном направлении» и т. д. Контрольным группам предлагалось то же задание, но в упрощенной форме (5 объектов) и без лимита времени, а также на них не оказывалось никакого стрессового воздействия со стороны

экспериментатора. На протяжении всего эксперимента для каждой группы велась диктофонная запись с целью дальнейшего анализа групповой дискуссии. Помимо этого после окончания эксперимента группам были заданы вопросы по поводу группового решения задач, по поводу взаимоотношений внутри группы (помогала ли группа принять правильное решение или наоборот) и по поводу стрессовых высказываний экспериментатора в процессе решения. В дальнейшем диктофонные записи, отражающие ход принятия группового решения, анализировались методом контент-анализа.

Были получены следующие результаты.

Прежде всего отметим, что при проведении социометрии по критерию негативных деловых отношений ни одна из групп не получила высоких или средних баллов, — иными словами, исходно у данных групп не было предпосылок для открытого конфликтного взаимодействия в процессе решения задания. В двух экспериментальных и в двух контрольных группах наблюдался достаточно высокий уровень групповой сплоченности по обоим социометрическим критериям; одна контрольная группа также демонстрировала исходно высокий уровень групповой сплоченности; также одна экспериментальная группа имела низкий уровень групповой сплоченности по всем критериям.

По результатам контент-анализа записей групповых дискуссий в целом наблюдалось формирование феномена совместного совладания со стрессовой ситуацией в двух группах (экспериментальные группы № 3 и № 4). При этом стоит отметить, что основное их отличие от двух других экспериментальных групп (№ 1 и № 2) состояло в исходно высоком уровне групповой сплоченности, что само по себе настраивало участников на возможность дальнейшего развития групповой динамики в рамках выполнения поставленной перед ними задачи. В этих двух группах каждый участник стремился внести свой вклад в деятельность группы, предлагал оригинальные решения выхода из трудной ситуации и эмоционально поддерживал всех участников своей команды.

Участники двух других экспериментальных групп демонстрировали иные способы решения групповой задачи. В группе № 1 участники выбрали конфликтное взаимодействие, что выражалось в нападках на других игроков, стремлении продвинуть свою точку зрения и нежелании слушать аргументы других участников. Группа № 2 изначально пошла по другому пути. В начале игры выделились два лидера, которые и принимали наиболее активное участие в решении задания, в то время как остальные участники старались включаться в игру как можно меньше и оставить основное право голоса за лидерами.

Подчеркнем при этом, что все экспериментальные группы дали в конечном итоге в целом верное решение задания.

Но представляется, что, несмотря на это, экспериментальные группы № 1 и № 2 проявляли совладание с групповым стрессом в рамках индивидуальной деятельности, которое было направлено не на саму ситуацию, вызвавшую стресс (т. е. необходимость выработать групповое решение задачи в условиях де-

фицита времени и эмоционального давления экспериментатора), а на остальных участников своей команды (т. е. в данном случае источником дополнительного стресса служило поведение других членов команды). Другими словами, вместо того, чтобы совместно выработать единый способ разрешения трудной ситуации, они предпочли совладать с ней индивидуально, без поддержки со стороны остальных членов команды.

В качестве объяснения мы предполагаем влияние субъективного понимания источника стресса. В группах под № 3 и № 4 источник стресса субъективно воспринимался за пределами группы (стрессовая ситуация в задаче и давление экспериментатора), что повлекло за собой механизм формирования процесса, схожего с феноменом ингруппового фаворитизма. Однако, если в случае ингруппового фаворитизма группа спланируется против конкурирующей группы, то в нашем случае сплочение и выработка активных действий были направлены на внешний источник стресса. В случаях групп под № 1 и № 2 источники стресса понимались участниками как сложившиеся внутри группы. И этот стресс оказал более сильное деструктивное воздействие на группу, чем задаваемый извне, что повлекло за собой фактически распад группы и, соответственно, нарушение возможности формирования какой бы то ни было групповой дискуссии. Косвенным доказательством подобной трактовки является тот факт, что в ходе обратной связи группы под № 1 и № 2 сообщили, что чувствовали оказанное на них стрессовое воздействие, и при этом работа в группе никак не помогла им снизить его. В то же время участники групп № 3 и № 4 в своей обратной связи утверждали, что за счет того, что в групповом обсуждении решения участвовал каждый член группы и каждый старался выслушать и принять во внимание мнение всех, стрессовое воздействие практически не ощущалось.

По поводу степени эффективности групповых решений поставленной задачи в разных группах трудно сделать однозначные выводы. Несмотря на то, что (по исходным условиям задачи) существовал единственный верный алгоритм выбора конечного решения, участники всех экспериментальных групп предлагали свои оригинальные алгоритмы и могли грамотно объяснить их причины. Однако, наиболее близкими к предполагаемому верному решению оказались группы № 1 и № 2, и вероятно это произошло по той причине, что в решении задания участие принимали всего несколько человек команды, в то время как в группах № 3 и № 4 найденный алгоритм решения был несколько отличен от верного — как представляется, именно в результате активного участия всех. Интересно, что на поиск алгоритма решения в этих двух группах сильное влияние оказывало то, что в качестве первоочередной цели их участники принимали цель обеспечения общегрупповой безопасности, и лишь потом пытались найти выход из сложившейся ситуации. Иными словами, участники данных групп изначально делали все для сохранения целостности группы.

Было бы логичным предположить, что групповой копинг формируется на базе схожих индивидуальных

стратегий совладания участников группы, и что чем сильнее расходятся стратегии, тем ниже возможность формирования коллективного копинга. Однако оказалось, что формирующийся единый совместный копинг может значительно различаться с индивидуальной стратегией того или иного участника. Так, по результатам изначальной диагностики индивидуальных стратегий совладания выяснилось, что участники групп предпочитают самые разнообразные копинг-стратегии. При этом при работе в группах данные стратегии практически не проявлялись, а формировался некий единый стиль совладания со стрессом. Можно предположить, что это происходило за счет того, что основной стиль совладания оказывается эффективным в том случае, когда человек выступает против стрессовой ситуации один на один. Но в тот момент, когда он попадает в значимую для него группу, его стратегии изменяются с целью помочь справиться со стрессом не только себе, но и партнерам по команде, что не всегда возможно с опорой на привычные индивидуальные стратегии совладания. В частности, в данной экспериментальной ситуации стратегия манипулирования или агрессивных действий сработала бы скорее против командной работы, нежели в помощь. Хотя если бы у команды был более эффективный источник стресса (например, конкурирующая команда), подобная стратегия совладания могла бы оказаться полезной.

Литература

- Белинская Е. П. Совладание как социально-психологическая проблема // Психологические исследования. 2009. № 1(3). Режим доступа: <http://psystudy.ru>
- Битюцкая Е. В. Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями // Вестник Московского университета. (Серия 14: Психология). 2011. № 1. С. 100 – 111.
- Емельянова Т. П. Совладание (коллективный копинг) как феномен макропсихологии // Психология совладающего поведения: материалы Междунар. научно-практической конференции. Кострома, 16 – 18 мая 2007 г. С. 189 – 191.
- Крюкова Т. Л. Человек как субъект совладающего поведения // Психологический журнал. 2008. № 2. С. 88 – 95.
- Куфтяк Е. В. Исследование устойчивости семьи при воздействии трудностей // Психологические исследования. 2010. № 6(14). Режим доступа: <http://psystudy.ru>
- Куфтяк Е. В. Концепция семейного совладания: основные положения // Медицинская психология в России. 2012. № 5(16). Режим доступа: <http://medpsy.ru>
- Рассказова Е. И., Гордеева Т. О. Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы // Психологические исследования. 2011. № 3(17). Режим доступа: <http://psystudy.ru>
- Совладающее поведение. Современное состояние и перспективы / под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2008.
- Хачатурова М. Р. Совладающий репертуар личности: обзор зарубежных исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 160 – 169.
- Штроо В. А. Поведение группы в трудной жизненной ситуации // Личность в трудной жизненной ситуации как актуальное научное направление копинг-исследований в России: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 35-летию Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского / под ред. Л. И. Дементий. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. С. 267 – 269.
- Ялтонский В. М. Современные теоретические подходы к исследованию совладающего поведения // Медицинская психология в России. 2010. № 1. Режим доступа: <http://medpsy.ru>
- Bodenmann G., Widmer K. The couples coping enhancement training (CCET): a new approach to prevention of marital distress based upon stress and coping / University of Zurich, Switzerland. Family relations. Vol. 53. № 5. Oct. 2004. P. 98 – 107.
- Brock B. A., Shute M. A. Group coping skills program for parents of children with dyslexia and other learning disabilities // Australian Journal of Learning Disabilities. 2001. № 6(4). P. 15 – 25.
- Dyc P., Schvaneveldt J. Coping as a concept of a family theory // Family science review. 1987. № 4(32). P. 57 – 65.

В целом по результатам проведенного экспериментального исследования представляется возможным сделать следующие выводы.

1. Исходно высокий уровень сплоченности группы положительно влияет на формирование стратегий совместного совладания.

2. Стратегии совместного копинга не представляют собой ни суммы индивидуальных копинг-стратегий, ни наиболее частотных из них.

3. Ориентация большинства членов группы на мнения и поведенческие реакции участников своей группы способствует формированию совместного совладания, что, в свою очередь, повышает эффективность групповой дискуссии.

4. В группах, предпочитающих стратегию сотрудничества в выработке группового решения, вероятность формирования совместного совладания повышается.

5. При провоцировании стрессовой ситуации группа в первую очередь выбирает копинг, направленный на снижение эмоционального напряжения в группе, после чего меняет его на проблемно-ориентированный.

6. В рамках совместного совладания наиболее эффективной оказывается комбинация использования когнитивных и эмоциональных ресурсов группы.

15. Papp L., Witt N. Romantic Partners' Individual Coping Strategies and Dyadic Coping: Implications for Relationship Functioning // Department of Human Development and Family Studies, University of Wisconsin-Madison. 2010. October. 24(5): 551 – 559. Режим доступа: <http://pubmedcentralcanada.ca/pmc/articles/PMC3220915/pdf/nihms335606.pdf>
16. Skinner E. Coping assessment // The SAGE Handbook of Personality Theory and Assessment: Personality. Vol. 1. Portland State University. P. 245 – 250.

Информация об авторах:

Белинская Елена Павловна – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Elena_belinskaya@list.ru.

Elena P. Belinskaya – Doctor of Psychology, Professor at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Икрамова Асаль Айбековна – выпускница факультета психологии филиала МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Ташкенте, asalikramova@gmail.com.

Asal A. Ikramova – graduate of the Faculty of Psychology, Branch of Lomonosov Moscow State University in Tashkent.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.